

ДОКЛАДЫ

Л. В. Беловинский²

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ — ПРЕПЯТСТВИЕ НА ПУТИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Человек несвободен от времени. Эта несвобода вызывает такое явление, как мифологемы, — порожденные инстинктивным стремлением к комфортному переживанию настоящего, культурные формы самозащиты людей преимущественно в кризисные эпохи. В отличие от мифа, в котором реализовывалась картина мира архаического человека, мифологемы имеют форму искусственно возникающей и органически вписывающейся в массовое сознание системы иллюзорных, имеющих внешнее сходство с реальностью идеальных представлений о настоящем или исторических эпохах, событиях, персонажах и собственном месте в истории. Это своеобразная форма веры как способа компенсации дефицита информации. Одновременно это попытка «экономии» в интеллектуальном напряжении, стремление уйти от подлинной сложности бытия, свести его к черно-белым бинарным оппозициям и «инфантилизировать» систему представлений о прошлом и настоящем своей среды. В этом смысле мифологемы — типичное явление массовой культуры, ничем не отличающееся от национальной или социальной демагогии, которая, собственно, вся построена на деформированном представлении о настоящем и прошлом. Мифологемы служат «костылями» для неуверенного в себе, не имеющего внутренней опоры индивидуума или социума и направлены на поиск идеалов, утраченных в данный момент. Они могут быть присущи всему социуму или его части. Это феномен, ярко характеризующий культуру данной эпохи и культурное состояние общества или его части, исповедующей данные мифологемы.

Бытование мифологем в массовом сознании характерно для всех народов. Об их роли в жизни со-

временной Западной Европы, преимущественно Франции, обстоятельно рассуждает Р. Барт. Правда, он оперирует термином «миф», что представляется не совсем верным: мифы суть стабильная система объяснения мироздания, а мифологемы переходящи, порождаются актуальными проблемами времени и служат для объяснения частных аспектов повседневной жизни общества. Интерес представляет его рассуждение о способности мифологем к конституированию новой, так сказать, «наведенной» повседневной реальности, как бывают наведенный магнетизм или радиоактивность. Если повседневность — практическое воплощение нормы, то эта норма может оказаться вторичной, искусственно созданной. Прежде всего речь идет о вторичном «возвращении» традиции, но не аутентичной, а мифологизированной либо стилизованной. Так, в сознании европейцев или американцев XX в. под влиянием поздних писателей-романтиков (Г. Мелвилла, Дж. Лондона и др.) сформировался устойчивый образ «счастливой» Полинезии — страны веселых и доступных вахине (женщин), хулы, гирлянд душистых цветов, обилия фруктов и блаженного ничегонеделания. Слоновая болезнь, малярия, нехватка белка при преимущественно растительной пище, нищета, угроза голода ускользали от внимания авторов или читателей. Только те писатели, художники или этнографы, которые прибывали на острова не на несколько часов, а чтобы воплотить в жизнь свое представление о рае, совершенно неожиданно для себя и крайне болезненно сталкивались с совершенно противоположной действительностью (см., например, книги Б. Даниэльссона или Т. Хейердала). К середине XX в. образ жизни полинезийцев, особенно в столь освоенных цивилизацией местах, как Гавайские острова или Таити, полностью изменился: лошадей заменили подержанные автомобили, фрукты и свежую рыбу — консервы, а вместо крытых пальмовыми листьями хижины появились нагроможденные из жести и случайных досок хибары. Но спрос туристов и моряков

² Профессор кафедры музеологии Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор исторических наук.

на игру на укулеле, танец хула, гирлянды и венки привели к тому, что все эти мифические атрибуты «южного рая» вновь и вновь попадали в объективы фото- и кинокамер и воспроизводились на страницах глянцевого журналов, туристских проспектов и на экранах. Примечательно, что подлинные мелодии хулы заменились опусами композиторов третьего ряда, перенятыми туземцами с помощью радиоприемников.

Точно так же на потребу туристу и зрителю иногда воссоздаются мифологизированные образы русских крестьян, а точнее «пейзан». Во время перестройки, когда СССР стал доступен для иностранцев, американское издательство Time-Life Books затеяло создание книги о современной русской деревне. Предполагалась так называемая «книга для кофе» — красочный альбом со множеством ярких фотографий и минимальным простейшим текстом в меру восприятия американским обывателем его представлений о России. Вполне естественно, что издатели, собиравшиеся послать в российскую глубинку своих фотографов в сопровождении русских специалистов, разделяли эти представления, искренне полагая, что где-то в отдаленных деревнях по улицам еще ходят мудрые степенные седобородые старцы в косоворотках, подпоясанных кушаками, в украшенных резьбой избах сидят за прялками добродушные старушки в сарафанах, а девицы в кокошниках, с длинными косами водят хороводы в поросших муравой переулках. Разумеется, из предполагаемой работы ничего не вышло: представителей издательства, к их крайнему недоумению и обиде, подняли на смех, а реальная деревня им была неинтересна.

Однако злосчастные американцы не столь уж и виноваты. Девицы с фальшивыми косами, в фальшивых кокошниках и фантастических сарафанах с выточками, каких никогда в русской деревне не носили, подносящие хлеб-соль дорогим гостям, разухабистые «хореографические картинки», исполняющиеся ряжеными из «народных хоров», якобы древнерусские мягкие цветные сапоги с аппликациями, косоворотки с персидскими «огурцами» во весь живот — не наши ли чиновники от искусства вкупе с получившими академическое образование хореографами создавали это аляповато-лубочное представление о России?

Бытуют социальные, политические, этнические, исторические мифологемы. Представление о прошлом может быть как адекватным подлинному историческому бытию, так и представляемым, искаженным под влиянием тех или иных факторов. Даже личное прошлое индивидуума со временем обычно кажется не совсем таким, каково оно было на самом деле: представления о нем деформируются под влиянием нового опыта. Тем более подвергается многочисленным деформациям прошлое социокультурной группы или этноса, то есть то, что называется историей. Это может быть переживание как подлинных исторических реалий, так и того, что принимается за реалии. Исторические мифологемы — попытка компенсации утрат, ностальгия по отсутствующим свойствам общества. Например, деморализация, разрушение понятий о личном достоинстве, чести и честном слове порождают мифологемы о существовании этих свойств у людей

в прошлом. Идеал, порожденный неудовлетворенностью современной ситуацией и принимающий форму исторических мифологем, всегда противоположен действительности. Современное постсоветское общество, лишенное в своей массе глубоких нравственных традиций, вытравленных десятилетиями предыдущих социально-политических реалий, и не выработавшее новых моральных устоев после бесславной кончины прежнего режима, начинает активно обращаться к мифологизированным представлениям о прошлом, которое оно знает весьма плохо.

Мифологемы рождаются тогда, когда причиной интереса к прошлому становится не знание ради овладения истиной, а поиски оправдания и исторических обоснований современных актуальных идеологических проблем. Повседневность несет на себе окраску переживания человеком своего прошлого, личного или коллективного, и исторические мифологемы как одна из форм переживания истории, обращенные в прошлое и проецирующиеся на настоящее, органически вписываются в повседневную жизнь нации.

Пришел час не исторического знания, а исторической памяти, память же постоянно подвергается абстрациям. Историческая память — это система представлений о прошлом, основывающаяся на поверхностном знании. Историческое знание претендует на объективность, историческая память подчиняется представлениям о прошлом как антитезе настоящего. В результате в обществе утвердились многочисленные мифологизированные представления о чести, достоинстве и высочайшей культуре русского дворянства и офицерства, твердом честном слове и обязательности купечества, стабильности, благополучии и динамическом развитии до-революционной экономики и вычитанные из книг славянофилов и почвенников представления о русском народе-богоносце, якобы совращенном злокозненными революционерами.

Происхождение некоторых исторических мифологем легко угадывается. Например, в «Воспоминаниях» С. Ю. Витте находим такие слова: «Когда я был министром финансов, то мне приходилось совершать государственные и финансовые дела на сотни миллионов рублей прямо на слово, и в течение всего моего пребывания министром я совершал такие дела — на миллиарды и миллиарды, и в моей практике никогда не было случая, чтобы банкиры отступали от своего слова»¹. Далее проводится простенькая операция: «министра финансов» убираем (это ведь частность), «банкиров» заменяем купцами (а какая разница?) и в итоге получаем искомое: русских купцов, заключавших миллионные сделки под честное слово. Вот только возникает вопрос: откуда появилось понятие «бронзовый вексель» (или «дутый вексель») и как в законодательство попало понятие «злостное банкротство», которое сначала наказывалось заключением в долговую тюрьму, а с конца XIX в. — и ссылкой на поселение в Сибирь?

Так же обстоит дело и с офицерской честью, которую С. Л. Толстой в книге, посвященной своему предку, знаменитому Ф. Толстому (Американцу), удачно назвал «условной». Современники во мно-

¹ Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. М.; Таллин, 1994. Т. 1. С. 289.

жестве упоминают так называемые «безгрешные доходы» полковых командиров и корабельных ревизоров, пересказывают анекдоты о полковых лошадах, которых кормят «и морковью, и всем», а они все худеют и худеют, и повествуют об укоренившейся практике использования солдат как бесплатной рабочей силы. Любопытствующих можно отослать к многочисленным мемуарам, например к «Пути русского офицера» А. И. Деникина.

Равным образом дело обстоит и с общей культурой и образованием массы поместного дворянства: как удачно выразился один из мемуаристов А. Д. Галахов, «нельзя говорить о том, чего, собственно, не имелось». Вообще, бытование мифологемы о дворянстве как носителе высочайшей культуры самым наглядным образом доказывает наличие у нашей образованной публики мышления «по способу несообщающихся сосудов»: с одной стороны, читают Гоголя, Лермонтова, Пушкина, Салтыкова-Щедрина и десятки других авторов, в том числе очеркистов и мемуаристов, где ярко демонстрируется характер этой культуры. С другой — как только заходит речь об истории русской культуры, так сразу же с пеной у рта начинают доказывать, что дворянство (всё) и иностранцами воспитывалось, и языками свободно владело, и библиотеки имело, и на балах танцевало, и вообще было светочем. О том, что все это было присуще тончайшему слою дворянства, его элите, а основная масса коснела в невежестве, никто не думает.

Дело доходит до того, что одна дама в книге, посвященной воспитанию русского дворянства, постоянно ссылалась как на образчик этого воспитания на «Письма к сыну» лорда Честерфильда! Такого рода опусы должно отнести к разряду «дамского рукоделия»: почему-то о блестящей культуре русского дворянства в основном пишут дамы. Этим представлениям способствуют даже и неплохие книги. В одной из совсем недавно появившихся работ автор отмечает упадок и даже обнищание поместного дворянства. Но привести вполне доступные сведения о соотношении мелко-, средне- и крупнопоместного дворянства автор не удосужился, так что у массового читателя, убежденного в богатстве помещиков, вполне может сложиться впечатление о том, что этих невежественных мелкопоместных было всего ничего.

Культивирование этих мифологем авторами разного разбора отнюдь не способствует познанию подлинной истории отечественной культуры. Мифологемы могут получить чрезвычайно широкое распространение, становясь достоянием уже не отдельных групп, а в той или иной степени всего общества. Например, в 1970-х гг. в СССР появилась книга В. Чивилихина «Память», вышедшая одно-

временно тиражом в несколько сот тысяч экземпляров в «Роман-газете», опубликованная в журнале «Наш современник» и появившаяся отдельным изданием. Она стала бестселлером, ее читали в столице и в провинции, в метро и в электричках. Жанр книги был заявлен своеобразный — «роман-эссе», хотя на самом деле автор, филолог по образованию и журналист по профессии, претендовал на историческое исследование. В книге настойчиво проводилась мысль о многовековом стремлении Запада уничтожить Русь, Россию, русский народ как носителя особенно высоких духовных свойств, едва ли не источник Истины и Благодати. Для достижения этой цели автор не стеснялся передергивать исторические факты и заниматься подстановками, а уличенный в этом, соглашался, но заявлял: «Я это так вижу! Мне это так надо!»

Подобная тенденция занимала не последнее место и в многочисленных, выпускавшихся огромными тиражами и разными издательствами почти одновременно произведениях в высшей степени популярного исторического романиста В. Пикуля. Нарочито или ненамеренно, но лишь в силу особенности подачи новостей средствами массовой информации эта идея проводится и сейчас, например на телевидении громкогласно озвучивается политиками-популистами вроде В. Жириновского и его сподвижников по партии и даже представителями «Единой России». В результате сегодня в сознании всех слоев общества существует твердое убеждение во враждебности России и русскому народу всего мирового сообщества. Это убеждение естественным образом накладывается на пестовавшийся десятилетиями образ врага — «американский империализм, западногерманский реваншизм и израильский сионизм». Убеждение это не столь уж безобидно: оно вызывает пассивное сопротивление экономическим и политическим реформам общеевропейского типа и активную поддержку политиков, стремящихся заработать капитал на «патриотизме».

Источник этого мировидения вполне понятен. Обывателю нужна не историческая истина, а комфортное самоощущение себя как представителя «хорошего» народа, который всегда прав: трудно жить с ощущением своей заурядности, а иногда и исторической вины, особенно если одновременно трудно жить материально. А для этого нужен «плохой» народ, класс, конфессия, а то и целый мир. Значительная часть мифологем строится на оппозиции «хороших наших» и «плохих чужих». В результате они становятся основой ксенофобии, национальной, религиозной, классово- или культурной нетерпимости, что, как показывает история всего человечества, нередко приводит к весьма серьезным последствиям.